Криволапова Юлия Константиновна

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ МОРАЛИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В настоящее время мораль, традиционно являющаяся предметом философии, начинает представлять все больший интерес для естественных наук. В статье дается обзор и анализ современных зарубежных исследований, объединяющихся под названием "наука о морали", в которых центральное место занимает вопрос о вкладе бессознательных психических механизмов и эмоций в формирование моральных суждений и моральное поведение людей. Основное внимание уделено проблеме врожденной морали. Также затрагивается вопрос отношения науки к нормативной этике.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/7/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(81) С. 95-101. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 17.032; 17.034
Философские науки

В настоящее время мораль, традиционно являющаяся предметом философии, начинает представлять все больший интерес для естественных наук. В статье дается обзор и анализ современных зарубежных исследований, объединяющихся под названием «наука о морали», в которых центральное место занимает вопрос о вкладе бессознательных психических механизмов и эмоций в формирование моральных суждений и моральное поведение людей. Основное внимание уделено проблеме врожденной морали. Также затрагивается вопрос отношения науки к нормативной этике.

Ключевые слова и фразы: мораль; эмоции; моральная интуиция; моральный инстинкт; моральное суждение; нейронаука; нативизм; нормативная этика.

Криволапова Юлия Константиновна, к. филос. н.
Московский технологический университет (МИРЭА)
jkrivolapova@gmail.com

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ МОРАЛИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В настоящее время мораль, традиционно являющаяся предметом философского исследования, начинает представлять все больший интерес для самых различных наук, включая естественные: социологии, психологии, этологии, эволюционной биологии, генетики, нейрофизиологии и других. Известный ученый-психолог Джонатан Хайдт считает, что значительный скачок в междисциплинарном изучении морали произошел в 1990-е годы, когда появился целый ряд исследований, среди которых наиболее важную роль сыграли экспериментальная психология и когнитивная нейронаука, вооружившиеся новыми методами изучения мозга. Сейчас можно констатировать формирование нового, стремительно развивающегося направления в исследовании морали, для которого ученые стали использовать понятие «наука о морали» (*Science of Morality*). Как отмечает Хайдт, большинство людей, изучающих мораль, сейчас читают и пишут об эмоциях, мозге, шимпанзе и эволюции, а не только о логических рассуждениях (подразумевается аналитическая философия) [14]. Современная наука выдвигает все больше аргументов в пользу существования биологических оснований морали, которые представлены бессознательными механизмами, являющимися в большой степени результатом нашего эволюционного прошлого и работающими через интуицию и эмоции. В своей книге «Истоки морали» Франс де Вааль указывает, что сегодня все чаще можно встретить утверждения о том, что мораль имеет истоки в нашей биологии. Хотя большинство философов до сих пор считают, что мораль усваивается «сверху вниз» (через культуру), возможно, что моральные намерения коренятся в нашей биологической природе и мораль исходит «снизу», от нравственных эмоций [2, с. 30-31]. Новые факты заставляют пересмотреть привычные представления о механизмах моральной жизни и раскрывают проблематичность соотношения рационального и иррационального в моральном сознании и поведении.

Биологический подход к морали не является чем-то принципиально новым и в своей истории восходит к философии Просвещения. Изучение морали с научной точки зрения впервые предпринял Ч. Дарвин (как это отмечает он сам). В своей работе «Происхождение человека и половой отбор» (1871) ученый подошел к вопросу происхождения морали с эволюционных позиций и писал, что даже такие специфические для человека вещи, как совесть и нравственный долг, могут быть объяснены естественным отбором. Он полагал, что естественные основания морали коренятся в социальных инстинктах, побуждающих к сочувствию и взаимопомощи [3, с. 66-89]. Во второй половине XX века идеи Дарвина получили новую жизнь в рамках *социобиологии*, которая рассматривала сложные формы социального поведения с точки зрения эволюционной биологии и генетики и положила начало существенному повороту в понимании естественных основ морали. Несмотря на то, что социобиология подвергалась критике с разных сторон, она обозначила важное направление для дальнейших научных исследований морали. Один из основателей этого направления Э. О. Уилсон еще в 70-е годы прошлого столетия предсказывал, что старые подходы к изучению морали будут отброшены или включены в новый подход, который сосредоточится на изучении эмоциональных контуров в головном мозге, развившихся в качестве биологических адаптаций и отвечающих за нашу моральную интуицию [14].

Важнейшим результатом современных научных исследований морали стало преодоление представления о чисто рациональных основаниях морального поведения. В философской традиции существовало достаточно прочное представление о том, что вынесение морального суждения основывается на осознаваемых моральных нормах и принципах и является рациональной процедурой и что моральный выбор должен преодолевать естественные склонности и эмоции. Однако ряд научных экспериментов последних десятилетий показал, что значительный вклад в моральное поведение вносят автоматические психические процессы, интуиция, эмоции и рациональное мышление скорее корректирует первичные реакции, а не является его единственным источником [1; 11; 13; 14]. Иными словами, дихотомия между рассудком и чувством (так называемый картезианский дуализм в этике, который А. Дамасио назвал «ошибкой Декарта») [11] в рассмотрении морали оказывается ложной, и возникает потребность в новом подходе, преодолевающем одностороннее

представление о морали, противостоящей природе. Давний вопрос о том, проистекают ли основы морали из разума или из чувства, в настоящее время получил новую актуальность, и решение его ищут не в умозрительных гипотезах, а в исследованиях мозга.

В данной статье мы постарались осветить и проанализировать современные направления научных исследований, предоставляющих аргументы в пользу идеи о естественных основаниях морали, а также дать оценку «науке о морали» с философской точки зрения, затронув вопрос отношения науки к нормативной этике.

Моральный мозг

Основной прорыв в научном изучении морали в 1990-2000-е годы связан с использованием новых методов исследования мозга, прежде всего, методов нейровизуализации, которые позволили наблюдать за активностью структур мозга при различных психических процессах (например, при принятии решения). Они дали возможность выявить нейронные корреляты специфических эмоциональных и когнитивных процессов, имеющих отношение к моральному мышлению. Сформировалась целая область нейронауки, занимающаяся исследованием нейрологических оснований обыденной морали [13, p. 987]. Эта область начала развиваться с исследования мозга людей, которые демонстрировали ненормальное моральное поведение, в том числе неврологических пациентов и психопатов. Целый ряд экспериментов показал, что повреждение определенных структур мозга вследствие травмы, болезни или генетических причин влечет за собой нарушение в моральных суждениях и неадекватное моральное поведение. Ученые пришли к выводу, что существует целая «моральная» нейронная сеть – определенные области мозга, задействованные в обеспечении морального поведения. Наибольшее значение среди них имеет префронтальная кора мозга, чьи повреждения вызывали нарушение в социально ориентированном поведении, в инициативе, планировании, выборе. Еще один важный элемент «моральной» нейронной сети – система зеркальных нейронов, открытых еще в 90-е годы. Деятельность зеркальных нейронов связывают со способностью к эмпатии и предсказанию намерений другого человека (так называемая «теория сознания», или «модель психического состояния»). Эти нейроны автоматически отражают ментальные и эмоциональные состояния наблюдаемого человека, и если, например, он испытывает боль, то у наблюдателя активируются те же области мозга. Способности чувствовать то, что чувствует другой человек, и понимать его намерения рассматриваются учеными как врожденные предпосылки морального поведения и социальной жизни в целом [5, с. 139-160; 6, с. 98-100].

Важнейшим источником знаний о «нейроморальности» стали исследования мозга психопатов. Для психопатов характерно отсутствие эмпатии, сопереживания страданиям других людей, в связи с чем они склонны к аморальному поведению и отсутствию раскаяния. Ученые, проводившие сканирование мозга психопатов, обнаружили анатомические и функциональные отклонения в отделах мозга, вовлеченных в регуляцию социального поведения. Так, у исследуемых оказалась значительно снижена активность отделов мозга, реагирующих на эмоциональные стимулы, и снижено количество серого вещества в префронтальной коре. Ученые считают, что «эмоциональный дефицит» у психопатов, являющийся следствием патологии мозга, ведет к «моральной недостаточности». У здорового человека на психическом уровне нормально функционирует система, позволяющая эмоциям взаимодействовать с моральным знанием и сопровождать действие. Психопаты же обладают моральным знанием, проявляют компетентность в моральных суждениях на рациональном уровне, но в отсутствии надлежащей эмоциональной регуляции у них возникают трудности с формированием адекватного морального поведения. То есть, рационально понимая, как следует поступать, психопаты не обладают достаточной эмоциональной мотивацией для самого действия [8, с. 333-346; 13, p. 988].

Следует отметить, что теоретической предпосылкой подобных исследований является предположение, что поведение человека полностью зависит от функционирования мозговых структур и их нейробиологических параметров. Ученые полагают, что установление связи между патологиями морального поведения и функциональными и анатомическими нарушениями в работе мозга подтверждает эту зависимость. В свете подобных нейронаучных исследований появился большой соблазн заявить о существовании «органа морали» – органа моральной способности, который бы имел определенную локализацию, как сердце или печень [8, с. 314]. Существование морального мозга должно подтверждаться анатомической и функциональной модульностью (обособленностью) моральной способности. Анатомическая модульность предполагает локализацию моральных способностей в определенных участках мозга, а функциональная обособленность – обработку информации, специфичной для определенной области. Однако Джесси Принц, проанализировав современные исследования в данной области, приходит к выводу, что у нас недостаточно оснований говорить о существовании специфичных моральных модулей [17].

С точки зрения ученых, в выявлении «морального мозга» главной проблемой является несовершенство современных методов изучения мозга, так как они не позволяют выяснить, существует ли специфическая мозговая система, отвечающая *исключительно* за распознание и решение моральных проблем, или в этих функциях задействованы неспецифичные области мозга, покрывающие социальное поведение в целом. «Люди часто говорят о “моральном мозге” или “моральной способности”, но нет единой системы внутри человеческого мозга, которая отвечает этому описанию. Скорее всего, моральное суждение возникает из сложного взаимодействия между несколькими нейронными системами, функции которых, как правило, не являются специфичными (и никогда не могли быть) для морального суждения» [13, p. 995].

Важнейшим мотивом исследований «нейроморальности» является раскрытие естественной природы морального мышления, долгое время объясняемого за рамками физического [Ibidem, p. 987]. Несмотря на то, что нейронаука еще весьма далека от понимания природы сознания как целостного феномена и причинной

взаимосвязи ментальных состояний и нейропроцессов мозга, ученые, вовлеченные в эту область, убеждены, что даже те факты, которыми мы располагаем сейчас, убедительно говорят о существовании врожденной моральной способности.

Врожденная моральная способность

В настоящее время можно отметить существенную тенденцию рассматривать исследования нейронауки в качестве новых аргументов в поддержку *нативизма* – учения о врожденной морали. Ученые считают, что моральное поведение имеет биологическую основу: это значит, что моральные оценки и моральные суждения, руководящие поступками людей, непосредственно обусловлены *врожденной моральной способностью*, которая была сформирована как эволюционная адаптация и закреплена в определенных структурах мозга. Существование врожденной моральной способности рассматривается как подтверждение общечеловеческой природы морального мышления и даже, возможно, универсальных моральных ценностей. При этом следует различать концепцию *моральных универсалий*, в соответствии с которой существуют универсальные моральные нормы с конкретным содержанием, и концепцию *моральных доменов*, предполагающих существование универсальных правил-схем, своего рода моральных категорий, которые имеют вариативное содержание, обусловленное культурой. Первая концепция не выдерживает критики, так как не способна в конечном счете противостоять аргументу о культурном многообразии моральных норм. Среди сторонников нативизма наиболее популярна вторая концепция, так как она признает переменность моральных норм, но при этом утверждает существование универсальной моральной способности создавать эти моральные нормы. Таким образом, в современных исследованиях под врожденной моралью имеется в виду врожденная моральная способность, или предрасположенность, закрепленная в мозговых структурах под давлением эволюции. Данная способность является универсальной для всех людей и проявляет себя в действии *моральной интуиции*, основанной на эмоциях. В «науке о морали» интуиция имеет достаточно узкую, натуралистическую трактовку и описывается как бессознательный механизм быстрого вынесения моральных оценок и суждений, развившийся как поддержка общественному поведению.

Большая часть исследований говорит о том, что моральная интуиция связана с эмоциями, однако у ученых сложились различные взгляды на то, какую именно роль эмоции играют в моральных суждениях. Одними из первых важнейших исследований, раскрывающих роль эмоциональной интуиции в вынесении моральных суждений, стали эксперименты **Джошуа Грина** и его коллег. Они разработали теорию двойного процесса морального суждения (*Dual-Process Morality*), в соответствии с которой как интуитивные эмоциональные реакции, так и контролируемые когнитивные реакции одинаково играют ключевую роль в моральных суждениях и в некоторых случаях взаимно конкурируют. Эта теория также связывает контролируемые когнитивные процессы с консеквенциалистскими (утилитаристскими) суждениями, а эмоциональные процессы – с деонтологическими суждениями [Ibidem, p. 991].

Рабочая группа Грина впервые применила методы визуализации мозговой активности для оценки мозговых процессов испытуемых, занятых решением ряда известных моральных дилемм (в частности, дилемм «Вагонетка» и «Мост»). В дилемме «Вагонетка» несущийся вагон вот-вот убьет пять человек на путях, но их можно спасти, нажав переключатель и пустив вагон по запасному пути, на котором он убьет только одного. В другой дилемме – «Пешеходный мост» – имеет место схожий сюжет, только чтобы остановить тележку, надо сбросить с моста толстяка, что убьет его. Большинство испытуемых считало морально приемлемым нажать переключатель в первом случае (в соответствии с утилитаристской перспективой достижения большего блага – спасти пятерых) и неприемлемым убить толстяка во втором случае (исходя из деонтологической перспективы соблюдения прав личности – убийство человека не может быть средством для достижения большего блага). На основании своих исследований Грин утверждает, что подобное различие в ответах связано с различной эмоциональной реакцией на «безличное» (опосредованное) нанесение вреда в первом случае и на «личное» нанесение вреда во втором. В случае «личных» дилемм преимущественно активируются области мозга, связанные с эмоциями, а в случае «безличных» повышенная активность наблюдается в областях, связанных с когнитивным контролем. При этом эмоциональные реакции протекают быстро и суждение выносится мгновенно, а когнитивные процессы требуют некоторого времени. В некоторых случаях может возникать конфликт между эмоциональной интуицией и утилитарным мышлением (например, в «Мосте»), тогда быстрые и неосознанные эмоциональные реакции через некоторое время тормозятся когнитивными процессами, и испытуемые совершают утилитарный выбор. Грин считает, что данные результаты указывают на иерархические отношения между когнитивностью и эмоциями в моральных суждениях.

Под результаты своих исследований Грин подводит эволюционное объяснение. Он считает, что моральная интуиция, основанная на эмоциях, развилась как адаптация к общественному образу жизни. Это врожденная, мощная, но примитивная реакция на морально релевантные ситуации, созданные общественной жизнью в нашем эволюционном прошлом (например, на насилие над личностью). Интуитивная реакция эволюционно предшествует способности рациональной аргументации, которая отражает более сложные и эволюционно поздние познавательные процессы. При вынесении испытуемыми деонтологических суждений у них фиксировалась активность эмоциональных, а не когнитивных областей, значит, в действительности деонтологические суждения являются не результатом рационального рассуждения, а лишь последующими «рационализациями» первичной эмоциональной интуиции. Деонтологические суждения не дают веских причин воздерживаться от определенных действий, максимизирующих пользу, а лишь выражают эмоциональные реликты эволюционной истории. Поэтому, считает Грин, утилитарные суждения, основанные

на учете произведения лучших последствий, а не средств их достижения, являются более высоким уровнем морального мышления. И если человек не будет поддаваться первичным эмоциям, фактически моральным предрассудкам, то придет к более взвешенным, разумным решениям. Грин убежден, что рациональная мораль должна выходить за пределы врожденных эмоций и вести нас, посредством истинных рассуждений, в сторону консеквенциализма [12]. Однако на поспешность подобных обобщений у Грина указывает как минимум существование психологических фактов, «которые не подтверждают его выводы о локализации в мозге и эволюционном возрасте различных психологических механизмов морали. Это означает, что приписывание утилитаристской логике принятия решений статуса эволюционного новообразования и проявления освобожденной от ослепляющих эмоций моральной рациональности оказывается под сомнением вместе со всеми далеко идущими теоретическими обобщениями, опирающимися на него» [4, с. 161].

Исследования Грина сыграли важную роль в понимании связи моральных суждений с врожденной интуицией и проложили путь новым исследованиям механизма моральных суждений в когнитивной нейронауке. Однако выводы, к которым приходит Грин, кажутся односторонними и оспариваются некоторыми его коллегами. Прежде всего, подвергается критике идея конкурирующих отношений между эмоциональными и когнитивными процессами и сведение моральной интуиции исключительно к эмоциональным реакциям. В целом ряде схожих экспериментальных исследований другие ученые пришли к выводу, что эмоциональные и когнитивные процессы находятся в более сложном взаимодействии, чем те, которые описал Грин, и совместно определяют механизм моральной интуиции (Дж. Молл, Дж. Михаэл) [6, с. 51, 58]. Например, гипотеза «моральной чувствительности» (*Moral Sensitivity Theory*) утверждает, что «отношения между когнитивностью и эмоциями – это единое целое, где социальное восприятие и моральные эмоции связаны друг с другом, и моральный когнитивный опыт основан на моральных эмоциях и скрытых моральных оценках» [Там же, с. 59]. У. Фитцпатрик указывает, что вывод Грина о действии интуиции основывается главным образом на быстроте морального ответа, однако интуиция может сама обуславливаться фоновой рефлексией и просто сопровождаться эмоциями. «Даже если не происходит явных рассуждений, интуитивные ответы могут быть опосредованы фоновой моральной рефлексией. Такая рефлексия может сделать нас восприимчивыми к морально значимым различиям, и эта восприимчивость затем проявляется в наших интуитивных моральных суждениях, которые не менее оправданы только потому, что вызывают сильные эмоции» [12].

Различная интерпретация эмоционального вклада в интуитивные моральные суждения во многом связана с ограниченностью методов нейронауки. «При соблюдении всех требований научного эксперимента среди ученых в области когнитивной нейронауки не существует единого мнения, так как накопленные экспериментальные факты позволяют допустить альтернативные трактовки» [6, с. 42-43].

Одним из самых известных сторонников нативизма сегодня является **Джонотан Хайдт**, чьи работы получили широкий резонанс как среди научного сообщества, так и среди общественности. Он развивает несколько отличное от Грина представление об интуиции, в частности, соглашаясь, что интуиция основана на эмоциях, но подчеркивая, что интуиция является результатом не только эволюционного давления, но и культурного влияния.

На основании своих исследований Хайдт приходит к выводу, что в обыденном опыте большинство наших моральных суждений вызвано моральной интуицией. Они возникают быстро и внезапно, без какого-либо предварительного обдумывания и без привлечения априорных моральных принципов. Рассуждения обычно следуют *post facto* (если в них есть необходимость) как рационализация нашего суждения, направлены на обоснование своей позиции и адресованы главным образом другим людям. Моральное рассуждение, в отличие от моральной интуиции, медленное, сознательное, произвольное. Моральное суждение на основании интуиции Хайдт сравнивает с эстетическим суждением (вкуса), с той лишь разницей, что для этических суждений, в отличие от эстетических, нам требуется обоснование – мы пытаемся их понять и оправдать, не осознавая их действительного причинного происхождения [15, p. 814, 816].

Объясняя происхождение моральной интуиции, Хайдт проводит аналогию с языком, который, согласно эволюционной гипотезе, является одной из основных адаптаций к социальному образу жизни, встроенных в наш мозг. Основой для интуитивных моральных оценок выступает врожденная моральная способность, которая представляет собой комплекс *ментальных модулей* – психических структур, развившихся в ходе эволюции и работающих через создание специфических моральных эмоций (автоматически порождающих определенные эмоции при столкновении с морально релевантными ситуациями). В своей *гипотезе врожденных доменов* Хайдт дает объяснение культурной вариативности моральных систем на основании универсальной врожденной способности. Классифицируя моральные правила в различных культурах, Хайдт выделил так называемые *домены* – области, охватывающие ситуации, поддающиеся морализации и содержащие в себе общие схемы-правила, заполняющиеся культурой, в результате чего можно получить различные вариации моральных норм. Хайдт и Джозеф насчитали четыре домена, общих для всех культур: 1) причинение страдания (сюда можно отнести правила запрета вреда и помощи нуждающимся); 2) отношения иерархии (правила доминирования и подчинения, определяющие распределение власти); 3) взаимность (правила обмена и справедливости); 4) чистота (правила, охраняющие невинность, или запрет на поедание нечистых животных, например; особенно распространены в несекулярных обществах). Каждый домен соответствует врожденному ментальному модулю, и каждый вид правил в нем регулируется определенным семейством эмоций. Например, страдание вызывает сострадание и сочувствие, а нечистота – отвращение, иерархия связана с возмущением и уважением, а нарушение взаимности – с гневом и чувством вины. Эти домены

универсальны, но культура может определять конкретное содержание правил в каждом. То есть на основании общих модулей, закрепленных в структурах мозга, под влиянием культуры могут быть сформированы различные моральные системы таким образом, что то, что запрещено в одной культуре, может быть допустимо в другой. Несмотря на культурное разнообразие моральных систем, в их основе – универсальные врожденные способности, определяющие предел возможного разнообразия [16, p. 58-60]. Таким образом, у Хайдта речь идет о том, что моральная интуиция в равной степени как врожденна, так и обуславливается культурой. Он объединяет биологические основания и культурные факторы в объяснении происхождения морали.

Хайдт считает, что его теория позволяет быть более толерантным к людям и культурам с ценностями, отличающимися от наших собственных, и не считать, что все должны следовать одной универсальной морали. Но из гипотезы Хайдта можно сделать и другие выводы. Например, о том, что непреодолимые интуиции подталкивают нас к абсолютному неприятию ценностей и норм другой культуры, а также об абсолютной равнозначности различных моральных систем, а значит, «мы не сможем предложить никаких инструментов для кросскультурной моральной критики и никаких аргументов в пользу императивов взаимного уважения и мирного сосуществования представителей разных культур» [4, с. 152].

Сторонником концепции врожденной моральной способности является также **Марк Хаузер**, но определяет ее не как моральную интуицию, а как *моральный инстинкт*, который позволяет людям быстро выносить суждения о правильном и неправильном, основываясь на неосознаваемых принципах. Хаузер в своей работе основывается на аналогии с универсальной грамматикой Ноама Хомского и указывает, что в основе моральной способности лежит так называемая *универсальная моральная грамматика* – набор врожденных принципов, недоступных сознательному пониманию, которые позволяют людям судить о том, «какие действия допустимы, обязательны или запрещены» [8, с. 30]. Эти базовые моральные принципы, сформировавшиеся в процессе эволюции и поэтому общие для всего человеческого вида, имеют абстрактный характер. В процессе воспитания в определенной культурной среде они «конкретизируются», в результате чего ребенок приобретает определенную моральную систему. Универсальная моральная грамматика представляет собой инструмент, который позволяет людям строить весьма широкий, но *ограниченный* диапазон моральных систем. «Подобно языковым системам, конкретно-специфические и культурно-вариативные моральные системы являются предметом обучения, – в том смысле, что детальное содержание социальных норм приобретается в результате приобщения к местной культуре, в то время как абстрактные принципы и параметры являются врожденными» [Там же, с. 584]. Получается, что природа дает человеку некоторые основания моральных различений, которые развиваются под влиянием опыта.

Хаузер не согласен с Хайдтом, что эмоции непосредственно определяют наши суждения. Он склоняется к тому, что эмоциональной реакции предшествует бессознательный анализ причин и последствий морально нагруженных действий. «Я не отрицаю чувств. Но я действительно оспариваю причинную роль, приписанную нашему чувству. Вина могла бы вызвать наши суждения, но и сама могла бы явиться следствием наших суждений. То же самое может быть верно в отношении других моральных эмоций» [Там же, с. 101]. Таким образом, сами по себе эмоции неспецифичны и не являются первичными для формирования суждения.

С критикой современной программы нативизма в «науке о морали» выступил философ и ученый Джесси Принц. Он утверждает, что как минимум современное состояние доказательств врожденности моральной способности неудовлетворительно. Нравственность, как и все человеческие способности, зависит от наличия конкретных биологических предрасположенностей, но ни одна из них не заслуживает того, чтобы назваться моральной способностью [17]. Принц демонстрирует, как при более внимательном анализе можно убедиться в том, что моральная врожденная способность, о которой пишут сторонники нативизма, оказывается ни врожденной, ни универсальной и ни специфичной. В частности, обращаясь к гипотезе врожденных доменов Хайдта и Джозефа, Принц утверждает существование альтернативных объяснений того, как они могут возникать. Допустим, упомянутые Хайдтом и Джозефом эмоции врожденные – мы от природы наделены чувствами симпатии, отвращения, гнева и т.д. Но сами по себе эти эмоции не являются *специфичными* для соответствующих доменов и моральными по своей природе в целом. Принц считает, что можно скорее говорить о том, что моральные домены возникают через расширение неморальных эмоций на моральные предметы. Домены могут быть результатом универсальных эмоций, которые развились для чего-то другого, нежели моральная оценка. Если посмотреть внимательно, то каждая из упомянутых эмоций может иметь неморальное применение. То есть врожденных моральных эмоций нет, и домены являются побочными продуктами основных эмоций. Даже если все культуры имеют моральные нормы, основанные на эмоциях, из этого не следует, что существуют врожденные моральные домены. Нормы могут приобретаться через иное «использование» эмоций, например, через «эмоциональную обработку» – традиционную стратегию в процессе воспитания, когда желательное поведение формируется обработкой моральных эмоций. Например, родители наказывают своих детей и тем самым обуславливают ассоциацию между нежелательным поведением и отрицательной эмоцией [Ibidem].

В рамках рассмотренных выше концепций ученые считают моральную способность эволюционной адаптацией к общественной жизни. Однако, исходя из имеющихся фактов, мы видим, что вывод об адаптивной природе морали не следует с необходимостью. Она могла развиться как побочный продукт более общих психических способностей, которые эволюционировали для других целей. Все наши психические способности имеют биологическую основу и являются результатом эволюционных процессов, но это не значит, что все они адаптивны. Наша способность делать моральные суждения, как и наша способность делать философские и математические суждения, может быть побочным результатом общих интеллектуальных способностей,

которые, в свою очередь, являются адаптацией. С этой точки зрения мы склонны делать моральные суждения, потому что мы интеллектуальные и рефлексивные существа, а не потому, что естественный отбор дал нам нравственную способность как адаптацию [12]. Но даже если наша моральная способность является адаптацией, которая развилась через естественный отбор, это не исключает автономного применения разума для вынесения морального суждения. Все равно существует возможность, что содержание определенных моральных суждений выводится автономно, то есть свободно от причинного формирования определенными элементами в нашем эволюционном фоне [Ibidem].

К вопросу об отношении «науки о морали» к нормативной этике

В связи с активной экспансией естественных наук в область морали возникает вопрос: на что претендует «наука о морали»? Не стремится ли она вытеснить философию с ее исконного места? По нашему мнению, современная наука не спешит повторить ошибку раннего натурализма, претендуя на обоснование определенных ценностей, но осторожно заявляет, что может дать более глубокое и содержательное представление о социальной природе человека. Насколько мы можем судить на основании изученных источников, современные ученые достаточно хорошо понимают границы научного исследования морали. Например, американский философ и ученый Патриция Черчленд, работающая в области нейрофилософии, подчеркивает, что наука не пытается вытеснить философию с ее поля и уж тем более полностью объяснить феномен морали. Речь идет только о том, что наука может осветить *определенный аспект*, который можно назвать биологическими основаниями социального поведения. Например, конкретизировать ряд достаточно абстрактных философских понятий, таких как «нравственное чувство» и «моральная интуиция» [10, p. 4]. Ученые вовсе не приравнивают человека к животным, утверждая, что им полностью управляют инстинкты, но показывают нам, что для понимания человека важно признавать их существенную роль в его поведении. Признание биологических истоков и оснований общественного поведения не ведет неизбежно к отрицанию специфики человека, культуры, нормативной этики и их собственной причинности [9, с. 178-180].

По нашему мнению, чтобы избежать ошибочного приписывания науке претензий по отношению к этике, следует иметь в виду различение эмпирического и нормативного смыслов морали. Наука ограничена рамками описательной этики – она исследует мораль на уровне эмпирических фактов, которые можно причинно объяснить (моральное сознание, моральные чувства, моральное поведение, принятие моральных решений), и помогает нам понять, почему нравственность такова, какова она *есть*, а не какой она *должна* быть. Нормативная же этика направлена на *обоснование* моральных принципов и морального долга и имеет дело с вопросами о том, как мы должны жить и что мы должны делать. Когда нам указывают, что ответы на нормативные вопросы зависят от эмпирических условий, это не значит, что должное может быть выведено из существующего. Проблему невыводимости ценностей из фактов обозначил еще Д. Юм, а в XX веке сформулировал Дж. Мур в качестве известного «натуралистического заблуждения» (*naturalistic fallacy*).

Стоит отметить, что в русской философии также сложилось представление о принципиальном различии описательной и нормативной этики, которое выразилось в форме противопоставления эмпирической этики, имеющей дело с фактами, и философской этики, предметом которой являются нормы и ценности. Так, анализируя эмпирическую этику, В. Соловьев отмечал, что человеческая природа не может выступать основанием морали. Принято считать, что на симпатии и альтруизме основано моральное поведение, а на эгоизме – аморальное. Альтруизм и эгоизм в равной степени являются фактами человеческой природы, но так как человеческая деятельность основана на обоих этих фактах в равной степени, то из нее самой никак не вытекает предпочтение одного как морального, а другого – наоборот. Факт сам по себе не может быть лучше или хуже другого. «Следовательно, та мораль, которая не знает ничего выше наличной человеческой природы, не может дать рационального оправдания тому преимуществу, которое на самом деле дается одному свойству и вытекающей из него деятельности перед другим» [7, с. 550]. Философ признавал существование нравственного инстинкта и у животных, и у человека, но «…для человека общие инстинкты совершенно не имеют того безусловного, определяющего всю жизнь значения, какое они, бесспорно, имеют для других животных, находящихся под неограниченною властью этих инстинктов, не допускающею никакого уклонения». Так как у человека «…элемент сознания и разумной рефлексии необходимо входит и в нравственные его определения, то тем самым исключительно инстинктивная нравственность оказывается для него непригодною» [Там же, с. 550-551]. Соловьев считал, что естественные склонности не могут выступать нормативным критерием. Деятельность, основанная *только* на склонности, не может иметь значения должной, обязательной. Склонность случайна, а не необходима, она имеет разные степени развития и может вовсе быть подавлена. Исходя из нее, мы не можем требовать от других определенного действия, так как не можем обосновать его всеобщий и необходимый характер. Тот факт, что большинство людей действует под влиянием склонности, не доказывает, что нравственность не имеет самостоятельной силы и должна выводиться исключительно из природы.

Таким образом, «наука о морали» не может нести каких-либо последствий для нормативной этики. Нормы и ценности обосновываются автономно через этическую рефлексию и разумный довод, так же как математические утверждения обосновываются математическими рассуждениями, а не изучением эволюционного прошлого наших познавательных способностей или того, что происходит в мозге, когда мы участвуем в подобных рассуждениях [12]. Каковы бы не были следствия из научного объяснения происхождения морали, они не могут дать нам никаких нормативных предписаний (странно было бы считать, что понимание того, что наше следование моральным нормам поддерживает сотрудничество в группе и способствует ее выживанию, должно

мотивировать нас к моральному поведению). Дело в том, что, независимо от эволюционных истоков и предрасположенностей, мораль имеет значительно автономный характер. Человек ориентирует свое поведение в соответствии с культурно значимыми целями, не оглядываясь на биологические. Например (если принять эволюционную гипотезу), моральные системы, которые мы унаследовали от наших предков, часто содержат правила, которые являются следами проблем, с которыми они сталкивались в общественной жизни. Однако общественная жизнь существенно поменялась с тех пор, и эти моральные рудименты могут вступать в конфликт с новыми моральными представлениями. Известно, что существует естественная склонность помогать членам своей группы и наносить вред посторонним и конкурирующим группам, так как «естественная» мораль распространяется только на «своих». Однако это противоречит гуманистическим ценностям, согласно которым моральное отношение должно равным образом распространяться не только на членов своей группы, но и на все человечество. «Несмотря на то, что мораль, несомненно, возникла для внутригруппового употребления и не оглядывалась на человечество в целом, это вовсе не означает, что так и должно быть» [2, с. 333].

На наш взгляд, современная наука, несомненно, раскрывает важные фаты о морали, заставляя преодолевать привычные представления и по-новому рассматривать этот сложный и многообразный феномен. Однако надо учитывать, что наука изучает моральное сознание и поведение в строго определенном аспекте, ограниченном научной методологией и эмпирической, наблюдаемой стороной моральной жизни. Наука может многое прояснить в вопросах происхождения и функционирования общественной морали и эмпирического морального сознания, но вопрос личной ответственности и обоснование нравственного закона всегда будут находится вне ее познавательной сферы, так как нормативная сторона морали не может быть выведена из эмпирически данного. Этика как нормативная теория, выстраивающаяся на своих собственных (неэмпирических) основаниях, остается исключительно философским предприятием.

Список источников

1. **Барг Джон.** Сила подсознания // В мире науки. 2014. № 3. С. 26-33.
2. **Вааль Ф. де.** Истоки морали. В поисках человеческого у приматов. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 376 с.
3. **Дарвин Ч.** Происхождение человека и половой отбор. СПб.: Типографія И. Н. Скороходова, 1896. 446 с.
4. **Прокофьев А. В.** «Не упускай из виду интуиций…» (теоретические проблематизации интуитивных моральных суждений в современной этике) // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 1. С. 146-163.
5. **Рамачандран В.** Мозг рассказывает. Что делает нас людьми / пер. с англ. М.: Карьера Пресс, 2012. 422 с.
6. **Сланевская Н. М.** Мозг, мышление и общество: в 2-х ч. СПб.: ООО «Центр междисциплинарной нейронауки», 2012. Ч. II. 398 с.
7. **Соловьев В. С.** Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. 892 с.
8. **Хаузер М.** Мораль и разум. Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Дрофа, 2008. 639 с.
9. **Шеффер Ж.-М.** Конец человеческой исключительности. М.: НЛО, 2010. 392 с.
10. **Churchland P. S.** Braintrust: What Neuroscience Tells Us about Morality. Princeton University Press, 2011. 273 p.
11. **Damasio A. R.** Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. N. Y.: Putnam Publishing, 1994. 312 p.
12. **Fitzpatrick W. J.** Morality and Evolutionary Biology [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: https://plato.stanford.edu/entries/morality-biology/ (дата обращения: 21.04.2017).
13. **Greene J. D.** The Cognitive Neuroscience of Moral Judgment // The Cognitive Neurosciences / ed. by M. S. Gazzaniga. Cambridge, MA: MIT Press, 2009. P. 987-999.
14. **Haidt J.** Moral Psychology and the Misunderstanding of Religion [Электронный ресурс]. URL: https://www.edge.org/conversation/jonathan_haidt-moral-psychology-and-the-misunderstanding-of-religion (дата обращения: 10.03.2017).
15. **Haidt J.** The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgment // Psychological Review. 2001. Vol. 108. № 4. P. 814-834.
16. **Haidt J., Joseph C.** Intuitive Ethics: How Innately Prepared Intuitions Generate Culturally Variable Virtues // Daedalus. 2004. Vol. 133. № 4. P. 55-66.
17. **Prinz J. J.** Is Morality Innate? [Электронный ресурс]. URL: http://subcortex.com/MoralityInnatePrinz.pdf (дата обращения: 18.04.2017).

NATURAL BASES OF ETHICS IN THE LIGHT OF MODERN SCIENTIFIC RESEARCHES

Krivolapova Yuliya Konstantinovna, Ph. D. in Philosophy
Moscow Technological University (MIREA)
jkrivolapova@gmail.com

Currently ethics, which has traditionally been a subject area of philosophy, attracts the growing interest of natural sciences. The article provides a survey and analysis of modern foreign researches commonly called the "science of ethics" that is focused on the problem of contribution of unconscious psychic mechanisms and emotions to the ethical judgement formation and humans' moral behaviour. Special attention is paid to the natural ethics problem and the problem of the science's attitude to normative ethics.

Key words and phrases: ethics; emotions; ethical intuition; ethical instinct; ethical judgement; neuroscience; nativism; normative ethics.